

Пампушка для злого босса

Автор:

Полина Рей

Пампушка для злого босса

Полина Рей

Я всегда была довольно крупной... хотя, кому я вру? Я была настоящей пышкой. Говорят, лучшее лекарство от любых хворей – любовь. И я была бы согласна с этим год назад, когда познакомилась с тем, в кого влюбилась без памяти. Вот только он оказался настоящим монстром и быстро охладил все мои самые светлые чувства. Теперь я на полцентнера легче, а он вернулся из другой страны, чтобы встать во главе фирмы, в которой я работаю. А еще мы провели с ним ночь, но он меня совсем не узнал. Что ж, это лишний повод вернуть ему сторицей все, что я от него претерпела. На обложке – файлы с Shutterstock

Содержит нецензурную брань.

Полина Рей

Пампушка для злого босса

Я не особенно любила подобные места. Точнее, они не были тем местом, в которое я стремилась попасть на выходных после тяжелой рабочей недели. Но, стоило признаться самой себе, провести пару-тройку часов в баре, чувствуя на себе взгляды заинтересованных мужчин, было довольно приятно. Особенно если учесть,, что с самооценкой у меня всегда было сильно так себе. Причина моей неуверенности крылась в чрезмерной полноте, от которой я смогла окончательно избавиться буквально дня, просидев на довольно жёсткой диете почти год. Зато теперь, когда влезала в платья сорок второго размера, чувствовала себя если не на седьмом небе, то на порядок счастливее чем

раньше.

– Не помешаю? – раздаётся рядом со мной приятный мужской баритон с мурлыкающими нотками, от которых я вздрагиваю. Поначалу причина этой дрожи кроется в особенных чувственных вибрациях, которые слышатся в тоне незнакомца. Затем дрожь сменяется едва ли не ознобом, когда я поворачиваю голову и встречаюсь глазами со взглядом карих глаз.

О! Эти глаза знакомы мне настолько, что порой я просыпаюсь ночами в холодном поту, от того, что регулярно вижу их во сне. Вот только сейчас в них я совсем не замечаю узнавания.

Первый порыв встать и уйти без слов, сменяется желанием понять, действительно ли знакомый незнакомец настолько невнимателен или забывчив, что я для него лишь девушка, просто проводящая время в баре, которую он сегодня снимет на ночь, а на утро забудет навсегда. И у него даже мысли нет, что мы не только встречались раньше, но имели свою, пусть и кратковременную историю.

– Отнюдь, – вот и все на что меня хватает. И хоть в голосе моем звучат отчётливо нотки с хрипотцой, которые являются скорее следствием волнения, чем попыткой показать понравившемуся мужчине, что мне он приятен, я понимаю, что бояться нечего. Казанский Алексей Николаевич мне попросту не узнал. Это в мгновение ока придает мне такой уверенности, что из напряженной девушки я превращаюсь в заинтересованную кошечку, которая либо даст себя сегодня погладить, либо оцарапает презрением. Это действует на Алексея безотказно – в тёмном взгляде начинают играть дьявольские всполохи огня.

– Задаюсь вопросом, почему такая красивая девушка, как вы, скучает в одиночестве в баре? – подав знак рукой официанту, придвигается ближе ко мне "незнакомец".

– С чего вы взяли, что я здесь в одиночестве? – слегка повернувшись к нему и играя соломинкой в бокале мохито, отвечаю вопросом на вопрос.

– А потому что я бы точно не оставил тебя одну возле барной стойки, где все мужики в радиусе нескольких метров едва шеи себе не посворачивали, глядя на тебя, – с лёгкостью переходя на «ты» – что я сама намереваюсь сделать в ответ –

произносит Алексей.

- Договорились, в следующий раз пойду сюда с тобой.

Теперь это не просто беседа, а совершенно откровенный флирт, который приносит мне не только удовольствие, но и удовлетворение.

В голове ещё мелькает мысль о том, что Алексей может притворяться будто меня не узнал, но я гоню от себя подобные сомнения, потому что таким взглядом этот мужчина никогда бы на меня не смотрел, зная, что перед ним Вера Васильевна собственной персоной.

- Будет лучше, если ты не просто пойдёшь со мной сюда в следующий раз, но и уйдёшь отсюда со мной сегодня - тоже.

Настолько откровенно меня ещё не снимали, хотя, если уж быть честной с самой собой, опыта в общении с мужчинами у меня было не так, чтобы очень много. Поэтому сейчас я откровенно наслаждалась тем, что вызвала интерес не просто у представителя сильного пола, но у данного конкретного мужчины.

- Не знаю, возможно и уйду, хотя предпочитаю передвигаться на машине.

Он запрокинул голову и расхохотался. Смеялся открыто и искренне, не надо мной, а над моим остроумием, как я смела надеяться.

- Клянусь, если сегодня ты исчезнешь, как Золушка после бала, я переверну все королевство, чтобы отыскать пропажу и на тебе жениться.

В его словах наверняка нет и капли правды, хотя чем черт не шутит? С этим мужчиной никогда нельзя было быть ни в чем уверенной.

- Тогда у меня просто огромный выбор, - отпивая из бокала мохито, делаю вид, что размышляю над вариантами развития событий: - Теперь даже не знаю, чего мне хочется больше. Остаться с тобой или сбежать.

- Пожалуй, закажу тебе ещё немного спиртного, так мои шансы получить от тебя благосклонность, надеюсь, увеличатся хоть ненамного.

Целуется он классно. Я напрочь забываю о том, кто передо мной, когда мы буквально вваливаемся в его квартиру, попутно срывая друг с друга одежду. Сейчас между нами нет ни нежности, ни терпеливости. Когда каждая секунда – это потребность удовлетворить жажду друг по другу, последнее, что хочется делать – медлить.

– Ну же... давай, – шепчу сбивчиво, когда он слишком долго возится с презервативом. Впиваюсь ногтями в его ягодицы, подгоняя, оставляя на коже следы принадлежности мне одной. По крайней мере, на эту ночь.

Он входит в меня одним движением, слизывает с губ громкий вскрик сладкой боли и начинает брать – быстро, размеренно, глубоко. Понуждая кричать так громко, что едва не срываю голос. И ему это нравится – вижу, как тёмный огонь в глазах превращается в адовое пламя.

В эту ночь мы словно открываем в друг друге новые грани. Я и знать не знала, что во мне всё это время дремала настолько страстная женщина. Жаль только, что проснулась она наедине с мужчиной, который совершенно мне не подходит ни в чём, кроме горизонтальных плоскостей.

Утром, едва за окном начинает разливаться серый рассвет, я встаю с растерзанной постели, оставляя моего любовника крепко спящим. Знаю, что это побег, но иначе поступить не могу. Кажется, останься я ещё хоть на час, яд потребности в Алексее затопит меня целиком. Подхватив туфли и кое-как надев платье, я выхожу из квартиры, осторожно закрыв за собой дверь. Меня гложет чувство, что я поступила неправильно. Не проведя эту ночь с Алексеем, нет. Что сделала ошибку, сбежав вот так, будто этот секс ничего для меня не значил. Впрочем, так и должно быть, чтобы я сохранила хоть один шанс на то, чтобы остаться в относительно здравом рассудке. И мне почти удаётся убедить себя в этом, когда я выхожу на улицу, ловлю попутку и отправляюсь домой. Лишь только горечь от понимания, что рассталась с мужчиной, который не в первый раз переворачивал всю мою жизнь вверх дном, звучала отголосками внутри меня. Но я знала, что смогу с ней бороться.

Через пару дней я разбирала в офисе бумаги, когда до приёмной донеслись голоса, в одном из которых я узнала того, кого ожидала увидеть в самую последнюю очередь. Подняв голову от вороха бумаг, замерла на месте, чувствуя, как в висках начинает бешено пульсировать кровь. И почему – почему? – я не приняла во внимание вероятность того, что Казанский, вернувшись в Питер, непременно может зайти в наш офис? Мой взгляд заметался с одного предмета в приёмной на другой. Спрятаться в шкаф? Под диван? Может, вообще выпрыгнуть в окно?

Пока этот хоровод безумных мыслей бомбардировал мою голову изнутри, дверь в приёмную приоткрылась. Мой начальник, переговаривающийся с Казанским, приостановился, держась за ручку, и я почувствовала себя внутри фильма ужасов. С той лишь разницей, что знала – дверь непременно откроется, и я столкнусь с неизбежностью, взгляну в глаза Алексея и пойму по ним...

Что именно мне предстояло понять, я не смогла прикинуть даже мысленно – в приёмную вошёл мой босс, а следом за ним – Казанский. Я поспешно опустила глаза, делая вид, что увлечена чтением бумаг, на деле же – видя перед собой только расплывчатые пятна. Так и чувствовала, как Алексей буквально впился в меня взглядом, от чего у меня запылали щёки. И точно – стоило мне посмотреть на него, как по ответному взору прочла столько всего, что едва удержалась, чтобы не сбежать.

Сначала он инстинктивно шагнул в мою сторону, но остался на месте. После – на лице его появилась улыбка удовлетворения, а следом за ней – глаза вновь потемнели, как тогда, в баре. Гадать относительно того, понимает ли он, что перед ним толстушка-секретарь, над которой он потешался год назад, мне долго не пришлось.

– Ну, Веру Васильевну ты знаешь, – улыбнулся мне мой босс, и глаза Казанского стали округляться.

Что ж, не зря же я изводила себя диетами и спортом весь минувший год, чтобы сейчас сидеть и тушеваться от присутствия Алексея?

Грациозно поднявшись из-за стола, я подошла к Казанскому, первая протянула ему руку и проговорила:

– Добрый день, Алексей Николаевич. Очень рада видеть вас снова.

Он медлил с минутой, не меньше, и всё это время буквально испепелял меня взглядом. Что хотел им донести – я не знала. Могла лишь предполагать, что в голове Казанского наверняка не самые радужные мысли на мой счёт.

– Добрый день, Вера, – всё же ответил он низким, с хрипотцой голосом. И прибавил то, от чего у меня подкосились колени: – Буду счастлив вновь с вами поработать.

Правило первое: шоколадный торт прекрасно подходит для диеты, если его не есть.

Несколькими днями ранее

Я сидела на полу, разбирая свои старые дневниковые записи. Даже имея возможность писать их в ноутбуке, сначала садилась за стол, доставала блокнот и писала в него, впоследствии перепечатывая информацию в текстовый редактор.

"Первый день моей диеты. Вес – сто пятнадцать килограммов. Уже поняла, что каша из отрубей – полное дерьмо. На обед – немного спагетти, даже слишком немного, кусок отварной курицы, и какао с обезжиренным молоком. Чувствую, что с такими темпами я стану не только худой, но ещё и безумно злой...»

Улыбнувшись, я отложила этот блокнот к ещё нескольким точно таким же, раздумывая, что с ними делать. По-хорошему, нужно было бы их выбросить, но у меня не поднималась рука. Здесь, в этих книжках с разноцветными обложками – был весь последний год моей жизни. Все мои стремления, провалы, попытки стать красивой, которые оканчивались ничем, и новые начинания, когда я понимала, что уж в этот раз я точно дойду до конца.

Мой отец, настоявший на том, чтобы я переехала в новую, более просторную квартиру поближе к работе, постоянно твердил мне, что я хороша и так, со всеми своими ста пятнадцатью килограммами веса. Я категорически была с ним несогласна, спорила, на что получала в ответ, что похудеть было бы неплохо, но если даже этого не случится, меньше любить меня от этого он не станет. Он, разумеется, и не стал, зато у представителей противоположного пола я вызывала лишь отвращение. Изредка – снисходительно улыбку, не более. Но катализатором того, чтобы год назад я взялась за себя, стал заместитель директора той фирмы, в которой я работала последние три года – Казанский Алексей Николаевич. Именно его насмешки и состояние холодной войны, в котором мы пребывали целый месяц, сподвигли меня на то, чтобы серьезно за себя взяться.

"Бессолевая диета тоже не для меня. Грызть безвкусные овощи или кусок мяса, в котором ни перчинки-ни солинки – это настоящее наказание. Пожалуй, если бы сейчас инквизиция все ещё существовала, стоило дать ей этот рецепт, чтобы она пыталась им своих невинных жертв.»

Впоследствии, когда я наконец нашла тот образ жизни и питания, который мне подходил, мои первые записи стали настоящим хитом на одном дамском форуме, и я поняла, что с подобными проблемами, как у меня, сталкивается очень много женщин. И суть этих проблем крылась не только в лишнем весе, но и в неуверенности, которую он порождал внутри человека. Вскоре к нашему женскому сообществу стали присоединяться и мужчины, и результаты, которых они добивались, следуя моему опыту, превосходили даже самые смелые их ожидания.

Сотовый разорвался мелодией входящего звонка, я нехотя поднялась с пола, бросив последний дневник к остальным, уже лежащим в коробке. Звонил отец, чтобы мне о не очень удачном свидании, на которое он ходил, и я, терпеливо выслушав его излияния, в очередной раз предложила ему сесть на ту диету, на которой сидела последний год, полагая, что женщин, с которыми встречается папа, пугают его внушительные габариты.

После смерти матери, которая ушла от нас чуть более десяти лет назад, мой отец только в последнее время начал интересоваться женщинами. И хоть я и

раньше была совершенно не против того, чтобы он нашёл себе подругу, отец долгое время отнекивался.

Фактурой и статью я пошла в него. Уже в детстве я весила килограммов на десять больше, чем другие дети, но на тот момент совершенно не чувствовала себя несчастной. Напротив, мне казалось, что у меня есть свои преимущества. Но очень скоро поняла, что мальчиков я совершенно не интересую. Я училась прилежно, и в основном они обращались ко мне для того, чтобы я решила за них задачи или написала сочинение на заданную тему. Я с радостью помогала всем без исключения, однако в качестве своих первых «любовей» они предпочитали видеть кого угодно, но только не меня.

– Ты уже собрала свои вещи? – наконец излив мне душу, спросил отец, который в данный момент был увлечён обустройством моей новой квартиры. Хотя я подозревала, что заканчивать в ней ремонт придется мне самой.

– Да, папа. Уже не знаю, за что хвататься снова. Вещей много, а упаковала я от силы половину.

– Хочешь я приеду помогу?

– Нет-нет! – предвидя масштаб катастрофы в случае его прибытия, ответила я. – Я спокойненько соберусь и вскоре начнём мой переезд.

– Ты очень много работаешь, – как всегда проговорил отец ворчливо. Он постоянно журил меня за то, что я беру на себя слишком много обязанностей.

– Иных способов заработать себе на жизнь у меня просто нет.

– Тогда сходи и развейся куда-нибудь прямо сейчас. Вещи подождут.

Наверное, мне стоило отказаться, но в тот момент почему-то захотелось последовать папиному совету. Тогда ещё я не знала, чего именно обернётся для меня этот вечер. Не знала, что встречу в баре, куда отправилась пропустить бокальчик-другой, Казанского Алексея Николаевича, последнего человека, которого я хотела бы видеть в своей жизни. И не знала, что утром следующего дня буду бежать от него, как воришка, даже не назвав своего имени на разу за

ночь.

В тот момент, когда отец ещё раз повторил, что мне нужно отдохнуть, я решила что он прав. Отложила все занятия на вечер, собралась, надев самое откровенное платье, которое теперь могла себе позволить носить, и отправилась в бар.

Наутро, приоткрыв дверь в квартиру, я скользнула внутрь, будто бы преступница, которая собиралась обокрасть саму себя. На протяжении всего пути домой мне казалось, что Казанский проснулся, обнаружил, что я пропала и помчался на мои поиски. Но это было настолько невероятно, что когда я очутилась дома, поняла, что мой страх – был величайшая глупость. В выходные Казанский снимал пачками в баре таких как я. И пачками же выпроваживал их утром из своей жизни.

Во мне боролись сразу несколько чувств. С одной стороны, в эту ночь я ощущала себя нужной, желанной и красивой. Ещё год назад я вызывала у Казанского только чувство раздражения, сегодня же поняла, что этот мужчина хотел меня так, что сил сдержаться у него не было. С другой стороны, наверное, мне стоило послать его куда подальше с его предложениями перепихнуться по-быстрому, хотя, в принципе я ничего не имела против подобного рода приключений.

Я прошла на кухню, заварила себе крепкого кофе и устроилась на широком подоконнике, глядя на просыпающийся город. Моё тело до сих пор хранило следы прикосновения Казанского, и смывать с себя их мне не хотелось, каким бы идиотским ни было это желание. Я смотрела на спешащих куда-то даже в такой ранний час людей и гадала, что же буду чувствовать по прошествии времени. Рука уже тянулась к телефону, чтобы порыться в интернете и поискать что-нибудь относительно Алексея. Есть ли у него девушка? Или даже невеста? Чем вообще он сейчас увлекается, где работает? Те мелочи, которые нарисовали бы передо мной полную картину того, чем живёт Казанский в данный момент. Но я переборолла в себе это желание. Это был всего лишь проходной эпизод, который ничем не завершится. Но не стоит забывать о том, что сегодня я провела ночь в постели самого невыносимого и самого желанного для меня мужчины, отношения с которым никогда не будут серьёзными.

Когда я снова увидела Казанского Алексея и поняла, что он теперь будет гораздо чаще мелькать в моей жизни, я почти не вспоминала о нём в течение дня. Донимал он меня только перед сном, в виде ярких красочных фантазий довольно сексуального толка. Наверное, мне стоило найти себе мужчину, который бы перечеркнул все мои воспоминания, но почему-то до сих пор я этого не сделала. Не завела жениха, который впоследствии станет моим мужем, и от которого я рожу детей. В общем и целом не сделала ни шага к тому, чем занимаются миллионы женщин во всём мире.

Но после встречи в приёмной я поняла, что теперь вся правда о том, кто именно стонал под ним в ту ночь откроется. Если конечно, он не забыл обо мне за минувший год, что само по себе казалось неправдоподобным.

Он жал мою руку с такой силой, что я едва удержалась от того, чтобы поморщиться. И его взгляд, которым он безотрывно смотрел в мои глаза, будто говорил о том, что у Алексея на меня есть свои планы. Только вот суть этих планов была мне пока недоступна.

– Что ж... – только и смогла выдохнуть я в ответ на его слова о том, что нам теперь придётся работать вместе. – Значит, поработаем вместе.

Кивнув своему боссу, я вновь уселась за стол и продолжила работать, не поднимая головы.

– Вера, вы что, даже не хотите узнать, куда я денусь в ближайшее время? – со смешком в голосе спросил у меня начальник, и я подняла глаза на него, намеренно не обращая внимания на Казанского.

– А вы куда-то денетесь? – уточнила я на всякий случай, мысленно страшась ответа.

– Да, моего присутствия требует наш филиал, который мы открываем во Владивостоке. Я отправляюсь туда на неопределённое время, а меня будет замещать Алексей. Тебе уже доводилось работать с ним, поэтому проблем со взаимопониманием быть не должно.

Я едва удержалась от того, чтобы не хмыкнуть насмешливо. Уж чего-чего, а взаимопонимания с Казанским у нас не было никакого. Ни тогда, ни сейчас. Но

говорить об этом начальнику естественно не стала. Решение уже было принято, и у меня оставалось только два выхода: либо уволиться прямо сейчас, либо сделать вид, что мы действительно сможем существовать с Алексеем на вполне комфортных друг для друга условиях.

– Никаких проблем не будет, – самым уверенным голосом проговорила я в ответ. – А сейчас извините, у меня очень много дел.

В голове моей был настоящий хаос. Я представляла, как теперь буду проводить свои рабочие дни, предвидя разговор с Казанским, который непременно состоится. И будет он весьма содержательным, ведь нам есть, что обсудить. Но сейчас, когда оба мужчины вышли из приемной, давая мне возможность сделать спасительный глоток кислорода, я наконец смогла взять себя в руки.

Итак, в принципе ничего особенного не произошло. Если Алексей заведёт разговор, я буду вынуждена сделать вид, что эта ночь ничего для меня не значила. А если не заведёт, тем лучше. Не придётся лишний раз касаться той темы, которая вызывают у меня такой шквал эмоций.

В тот день больше Казанского я не видела, что позволило мне взять передышку и дало то необходимое время, когда я смогла смириться со своими мыслями, и выстроить их в относительно ровном порядке.

Вечером я взяла бутылку вина, немного сыра и фруктов и вновь вернулась к тому занятию, которое оставила несколько месяцев назад – начала вести дневник. С той лишь разницей, что не собиралась показывать эти записи никогда и никому.

«Случилось непоправимое. Или оно кажется таковым только мне.

Всколыхнувшая все мои чувства встреча в баре, сегодня имела продолжение. И снова внутри меня возникло то, от чего я бежала весь последний год. Моя влюблённость в Казанского никогда не была чем-то разумным, хотя спросите обо мне кого-то, кто знает меня более-менее близко, и услышите, что человека с более здравым рассудком, чем у меня, встретить сложно. Но во всём, что касается Алексея, я не узнаю саму себя.

Пока у меня полный сумбур в голове, и непонимание, что же будет завтра».

Я отпила сразу несколько глотков вина, которые совсем меня не опьянили. Глядя невидящим взглядом в окно, отчаянно пыталась составить план на завтрашний день прекрасно понимая, что вряд ли Казанский будет вести себя так, что я смогу претворить его в жизнь.

В ту ночь я почти не спала, в голове одна за одной мелькали сцены того, что ждало меня при встрече с Казанским один на один. Я рисовала себе в воображении, что он продолжает надо мной насмехаться, как делал это ранее. Или же напротив, видела, что Алексей станет напоминать мне раз за разом о нашей ночи, при этом имея под собой чёткую цель повторить всё то, чем мы занимались у него дома.

Завтракать не хотелось. Фасоль с яичницей и чашка кофе отправились в мусорное ведро. Правда, собиралась я на работу в это утро с особенным тщанием. Мне хотелось, чтобы Казанский видел во мне прежде всего ту женщину, которую он хотел в баре, а не неудачницу-толстушку которой я была когда-то.

Войдя в приемную, я чутко прислушалась к тому, есть ли мой новоявленный босс в своем кабинете. Но мёртвая тишина, которая была мне ответом, говорила, что Казанский ещё не прибыл в офис.

Он возник на пороге приёмной минут через десять. При виде меня широко улыбнулся, так что я удивилась тому, как у него ещё не свело мышцы лица, после чего без слов прошёл в свой кабинет, откуда через селектор попросил меня приготовить ему кофе.

Итак, мне предстояло остаться с ним наедине в его кабинете. Я поставила дрожащими руками чашку в кофемашину, и через несколько минут входила к Казанскому с подносом, вскинув подбородок повыше, как будто всем своим видом желала показать, что перед ним прежде всего – гордая женщина, а после уже та, которая умоляла его брать её быстрее и глубже.

– Доброе утро, Вера, – поздоровался со мной Алексей, кивнув, когда я поставила чашку кофе на стол. – Кажется, я задолжал тебе целых два «добрых утра», –

намекая на мой побег, добавил он после паузы. – Так что второй раз – доброе утро.

– Доброе утро, Алексей Николаевич, – ответила я, чувствуя, что мой голос слегка дрогнул. – И если мы уж заговорили о «добрых утрах», я бы предпочла, чтобы эта тема на рабочем месте не всплывала.

– Отчего же? – вскинув бровь, спросил Казанский с полуулыбкой на губах. – По моему, это весьма интересная тема для обсуждения в любом месте.

– И всё же... – выдавила я из себя, удивлённо посмотрев на босса, не понимая к чему он клонит.

Он что, собирается рассказать всем вокруг, что теперь нас связывает нечто большее, чем работа? Если это так, то он самая большая задница на всём белом свете.

– И всё же, я надеюсь, что ты не думаешь будто я начну делиться своей личной жизнью направо и налево, даже если эта самая личная жизнь напрямую связана с работой.

Я промолчала на эти слова, не понимая как к ним относиться в итоге. С одной стороны, хотелось протестовать, что никакой его личной жизнью я не являюсь. С другой – если он давал мне понять, что не станет распространяться о наших взаимоотношениях с кем-то, предпочитая обсудить это тет-а-тет, меня это устраивало полностью. Хотя, я бы предпочла, чтобы эта тема вообще стала негласным табу.

– Если так, то хорошо. Я могу уйти?

– Можешь, но через двадцать минут будь готова. Я сегодня не успел позавтракать, потому хочу, чтобы ты составила мне компанию.

– А я, напротив, позавтракала чересчур плотно, – соврала я Казанскому, делая шаг к двери, на что получила предупредительное:

– Не заставляй меня силой тащить тебя туда, куда я приказываю тебе отправиться со мной как твой босс, – со все той же улыбкой на губах, почти нежно проговорил Казанский.

Я недовольно поджала губы, предвидя, что Алексей так просто от меня не отстанет. Наверное, стоило согласиться на его "предложение", чтобы уже расставить все точки над «і» и закрыть эту тему навсегда.

– Хорошо, – согласно кинула я. – Я буду готова через двадцать минут.

Да кафе мы добрались в полном молчании. Алексей придержал передо мной дверь, чуть задев мой локоть пальцами, когда я входила внутрь. Я могла пробиться об заклад, что он сделал это намеренно. И это возымело на меня свое действие – по телу словно прошел электрический разряд, а в голове хороводом закружились мысли о том, как мы с ним занимались любовью у него дома.

Устроившись за столиком, я взяла меню у подошедшего официанта и спряталась за ним, потому что каждое мгновение чувствовала на себе тяжелый взгляд Казанского, от которых мне становилось совсем не по себе.

– Я буду салат с рукколой и черри и зелёный чай, – сделала я заказ, на что получила усмешку, скользнувшую по губам Казанского.

– А ты изменилась, – продиктовав заказ официанту, захлопнул меню Алексей, оперся локтями на столик и чуть подался ко мне. – Хотя на язык все такая же острая.

– Я не думаю что мой язык стоит того, чтобы мы его обсуждали за завтраком.

– О, твой язык стоит того, чтобы обсуждать его круглые сутки, – улыбнулся Алексей, скользнув взглядом по моим губам.

Только сейчас я осознала, что Казанский наверняка будет из каждой моей фразы делать что-то двусмысленное, от чего я буду краснеть и бледнеть не переставая. Значит, не стоило никоим образом обсуждать ни мой язык, ни другие части тела.

– Скажи мне, Вера, а ты всегда убегаешь от мужчин, с которыми тебе хорошо ночью? – задал он неожиданный вопрос, и я поняла, что была к нему совершенно не готова.

– Вы позвали меня сюда, чтобы обсудить мои взаимоотношения с мужчинами? – вскинув брови уточнила, внутренне начиная закипать.

– Нет, отношения с твоими мужчинами меня пока не волнуют, – ответил как ни в чем не бывало Алексей, так и продолжая цепко вглядываться в моё лицо. – Меня больше волнует тот факт, что ты сбежала от меня на утро. Испугалась, что я всё-таки тебя узнаю?

– Нет, не испугалась. И кажется, вы не узнали бы меня, даже если бы я представилась вам по имени-отчеству.

– Но есть другое обстоятельство, – пожал плечами Казанский, чуть отодвинувшись на стуле, когда официант поставил перед ним чашку кофе. – Меня наверняка узнала ты.

Я предвидела этот вопрос, но так и не поняла, как именно на него ответить. Ведь я действительно узнала его сразу же, и отправилась к нему в квартиру со знанием того, с кем именно собираюсь провести эту ночь.

– И что? – ответила я вопросом на вопрос, ковыряясь в салате.

– И ничего, – со смешком в голосе ответил Казанский. – Это навело меня на мысль о том, что я не настолько тебе неприятен, как это было год назад.

– Вы и год назад мне не были неприятны, – призналась я, удивляясь тому, откуда у него такие выводы относительно моего к нему отношения.

– Правда? – с искренним удивлением уточнил он, впрочем этот вопрос был скорее риторическим. – Мне приятно это знать, – признался он. – И все же мне довольно интересно до сих пор, почему ты тогда убежала?

– Я не убегала, просто ушла домой.

Я понимала насколько абсурдно и даже примитивно звучат мои слова. В вопросе Казанского имелось определённое желание разузнать, что именно сподвигло меня завершить эту ночь ничем.

А в принципе он что, рассчитывал, что мы совместно позавтракаем а после разбежимся, обменявшись номерами телефонов, чтобы иногда встречаться на потрахушки?

– Ну, хорошо, – надеюсь, в следующий раз ты не станешь просто уходить домой без предупреждения, – проговорил Казанский, и я снова увидела в его взгляде ту самую тьму, которую наблюдала тогда в баре.

– В следующий раз? – уточнила я, старательно подпуская в голос насмешку. – С чего вы взяли, что у нас будет этот самый следующий раз? Никакого следующего раза не будет.

– Ты так уверена в этом?

– Абсолютно. Я видите ли, не одинока, – соврала я, лихорадочно соображая, кто мог бы сыграть роль моего жениха, если бы вдруг мне это понадобилось.

– Не одинока? – проговорил Казанский, не сумев скрыть удивления, мелькнувшего в голосе, впрочем, почти сразу со смешком добавил: – Какие у вас нравы оказывается, Вера Васильевна, раз будучи неодинокой, вы отправляетесь в бар, где совершенно откровенно снимаете понравившегося вам мужика.

Я задохнулась от возмущения, едва не подавившись рукколой. Нет, мне не стоило забывать о том, что этот мужчина может быть таким. Может переворачивать с ног на голову всё, и представлять в совершенно ином свете, как-то было сейчас. И спорить с ним было бесполезно, равно как убеждать в том, что это он меня «снял» в ту ночь, а я была настолько ослеплена своим желанием, что все грани между нами стёрлись, когда мы оказались в постели.

– Я то, возможно, изменилась, – после небольшой паузы проговорила, отставляя от себя тарелку. Аппетит совершенно пропал. – А вот вы, Алексей Николаевич, кажется не изменились совершенно. И если это всё, что вы желали обсудить, я бы предпочла вернуться на работу – у меня слишком много дел сегодня.

– Я помню, что ты весьма трудолюбива, – поднявшись из-за столика и давая понять тем самым, что мы действительно можем возвращаться в офис, ответил Казанский. И вновь в его словах я услышала тот подтекст, которого возможно там не было. – Мы ещё не закончили, Вера. Я бы предпочёл вернуться к этому разговору в более удобном месте. Как насчёт того, чтобы поужинать сегодня со мной?

– Не имею ни малейшего желания отправляться с вами куда бы то ни было, хоть на ужин, хоть на завтрак. И со своей стороны предпочту, чтобы между нами были исключительно деловые отношения, – проговорила я заготовленные фразы, впрочем, в тоне моём особой уверенностью не было.

– И всё же, я пришлю за тобой машину сегодня к восьми.

В голосе Казанского явственно звучали приказные нотки, но отвечать ему я не стала, уже зная что сегодня на ужин с ним не отправить даже под дулом пистолета. Он может отдавать мне указания, когда я на работе. Нерабочим же временем я буду распоряжаться по своему усмотрению, и это Казанскому лучше зарубить прямо у себя на носу.

В этот же вечер я беру с собой надувной матрас и еду в свою новую квартиру. В ней жить невозможно, а вот переночевать где-нибудь между сложенных в углу рулонов обоев и ведер со шпатлёвкой – вполне реально. А всему виной Алексей, который привык получать всё, чего бы ни захотел.

Я даже не желаю анализировать его потребности провести со мной время за разговором о нашей ночи – в этом просто нет смысла. В любом случае любые мои предположения, вероятнее всего, не будут иметь никакого отношения к действительности, а это значит – я заранее проиграла.

Он начинает названивать мне на сотовый ровно в восемь, но я решаю, что лучше уж проведу спокойно этот вечер среди бардака недоремонтированной квартиры, а завтра на работе выслушаю всё, что Казанский думает по поводу моего неповиновения, чем сейчас начну оправдываться по телефону.

И в эту ночь мне тоже почти не удаётся заснуть. В основном размышляю о том, какую же бяку подкинула мне жизнь сюрпризом. И что мне вообще со всем этим

делать. Желание, в принципе, только одно – переждать до того момента, когда интерес Алексея ко мне пропадёт, и продолжать жить спокойно и дальше. Тогда ещё я верила в то, что это в принципе возможно. Впрочем, Казанский быстро сумел показать мне, насколько я всё-таки ошибаюсь.

На следующее утро, несмотря на то, что я прибыла на работу загодя, мой босс уже поджидает меня в офисе. Стоит возле моего стола в приёмной, сложив руки на груди, и по глазам вижу – зол, как чёрт. Что ж, ладно – мы ещё и не такое проходили.

– Доброе утро, Алексей Николаевич, – произношу как можно спокойнее, пытаюсь обойти Казанского, чтобы снять пальто и повесить его в шкаф. Что босс мне сделать не даёт, перегородив путь своей немаленькой комплекцией.

– Доброе утро, Вера, – вкрадчиво отвечает он, и по голосу ясно, что ничего хорошего от следующих слов мне ждать не стоит. – Тебя вчера не оказалось дома.

– Точно. Не оказалось. У меня были дела.

Я снова предпринимаю попытку обойти Казанского, но он снова перекрывает мне дорогу к шкафу.

– Почему ты не подходила к телефону?

– Я же сказала – была занята.

– Я хочу, чтобы ты кое-что уяснила. Когда я звоню или зову тебя поужинать – у тебя не может быть никаких дел.

– Вот как? У нас что, вернули крепостное право, а я не в курсе? – начиная злиться, с ухмылкой отвечаю, на этот раз предпринимая попытку отстранить босса с дороги рукой. Что сделать не выходит – Казанский стоит насмерть, не позволяя мне сдвинуть себя с места.

– Если мне понадобится, я сделаю так, чтобы ты чувствовала себя крепостной. Но поверь мне, для нас обоих будет лучше, если ты добровольно согласишься с тем, что мои дела и пожелания для тебя – первоочередное.

– Даже если я в этот момент с женихом? Извините, босс, – вкладывая в голос всю издёвку, на которую способна, отвечаю я, – но если мне придётся выбирать из личного и работы я не выберу работу.

– Ты лжёшь, Вера. У тебя нет никакого жениха.

– С чего вы это взяли?

– Я навёл о тебе справки.

– Вот как... Такое любопытство по отношению к той, которая когда-то была для вас слишком жирной.

– Не утрируй.

– Не утрирую. Да отойдите вы уже! – снова отпихиваю я Казанского, и на этот раз он отступает. Правда, это играет со мной злую шутку – я оказываюсь в ловушке между шкафом и Алексеем.

– Ты играешь с огнём, Вера, – выдыхает он мне в затылок, когда я безуспешно пытаюсь повесить пальто в шкаф. Сам едва не вжимается в меня, и от этой близости у меня начинают дрожать руки. Да будь проклят этот чёртов Казанский!

– Что мне нужно сделать, чтобы вы от меня отстали? – со стоном поворачиваюсь я к боссу, наконец совладав с пальто. – Ну что? Как вы не понимаете... для меня ночь с вами ничего не значила. Нам было хорошо вместе. По крайней мере, мне с вами точно. Я очень надеюсь, что это вас удовлетворит. А сейчас отпустите меня, пожалуйста. Мне нужно работать.

– Нет.

– Что значит – нет?

- Меня это не удовлетворит. Ты разве не видишь, что я снова тебя хочу?

Он совершенно неожиданно обхватывает мою руку за запястье и прижимает к своему паху. А там уже настолько твёрдо, хоть орехи коли.

- Алексей Николаевич, пожалуйста...

Эти слова я выдыхаю почти что в губы Казанскому, когда он наклоняется так близко ко мне, что расстояние между нами не измерить даже вдохом.

- Кто он?

- Кто?

- Твой парень, жених, друг - кто он?

- Какое вам дело?

- Огромное. Хочу знать, кого ты предпочитаешь мне.

- Боже...

Казанский начинает водить моей рукой по обтянутому тканью брюк члену, и я, как ни стараюсь, не могу высвободиться.

- Так кого?

- Тупикина!

- Кого-кого?

Произнесённая фамилия нашего айтишника настолько быстро отрезвляет босса, что он отстраняется, отпуская мою ладонь, чем я и пользуюсь, юркнув к столу и занимая за ним своё место. Надо будет только предупредить Пашу, что я только что нечаянно назначила его своим будущим мужем.

– Тупикин Павел. Работает у нас в фирме. Надо бы вам изучить перечень своих сотрудников, Алексей Николаевич. А то одну не узнали, о втором вообще впервые слышите, – качаю я головой, включая компьютер. И добавляю елейным тоном: – Кофе?

– К чёрту. Тебя и твой кофе, – зло цедит босс, покидая приёмную и скрываясь в своём кабинете.

В этот момент я чувствую себя победительницей, хотя, стоит признаться самой себе, внутри, где-то очень-очень глубоко, на душе скребут кошки. Вот только мне нужно гнать от себя это ощущение всеми возможными способами. Я никогда не буду интересоваться Казанского настолько, чтобы доверять ему в его чувствах. Он признался, что сейчас меня хочет, и я бы вполне могла согласиться на то, чтобы переспать с ним ещё разок-другой, вот только меня это совершенно не интересует.

В этот день он особенно изобретателен в том, чтобы нагрузить меня делами, большинство из которых совершенно необязательно выполнять. Но я знаю, что это своего рода месть, поэтому не противоречу, отчётливо понимая, что именно этого Казанский и добивается.

– Ты чего с боссом не поделила? – интересуется Паша Тупикин на следующий день за обедом, куда мы с ним отправляемся ближе к двум часам дня.

Вопрос Тупикина ставит меня в тупик. Я уже почти забыла, что назвала Павла своим женихом, но сейчас вспоминаю и заранее мысленно чертыхаюсь.

– А в связи с чем такой вопрос?

– Он о тебе расспрашивал.

Паша принимается за крупно порубленный оливье, я же замираю на полпути к распаковыванию баночки с йогуртом. И снова аппетит пропал напрочь. Знала бы, что босс способен настолько отбить желание поесть, ещё год назад наняла бы его личным коучем по питанию.

- Что именно? – старательно скрывая волнение в голосе, уточняю я, всё же принимаясь за йогурт.

- Расспрашивал, встречаешься ли ты с кем-нибудь.

Чёрт... надо было всё же попросить Тупикина мне подыграть. Наверняка бы согласился. Опыта в общении с девушками у него немного, если он есть в принципе, – так что небольшой спектакль с неожиданно обретённой невестой был бы на руку не только мне, но и ему.

- Понятно.

- Я ответил уклончиво.

- Что именно?

- Что это не предмет для обсуждения, – пожимает он плечами, придвигая к себе тарелку с картошкой-пюре и двумя котлетами. Всегда удивлялась тому, сколько ест Тупикин, при этом не набирая ни грамма, хотя, ему бы совсем не помешало это сделать.

- Пашка! Я тебя люблю! – выдыхаю, потянувшись для того, чтобы чмокнуть Тупикина аккуратно в тот момент, когда в кафе входит Казанский.

Он замирает на пороге, буквально впившись в нас взглядом, а я делаю то, чего делать совершенно не собиралась – вместо того, чтобы просто прикоснуться ртом к щеке Павла, скольжу им по его губам, которые приоткрываются в неподдельном изумлении.

- Ромашкина, ты что, с ума сошла? – потрясённо выдыхает он, а я отстраняюсь как ни в чём не бывало.

- Я соврала Казанскому, что ты мой жених, – произношу шёпотом, принимаясь за йогурт снова.

- Ты что сделала?

Объяснять, как это для меня важно, уже поздно – Алексей направляется в нашу сторону, при этом вид у него такой, что хоть сразу вскакивай и беги прочь с криком «караул!». У меня теперь только одна надежда – что Тупикин не станет отрицать наши с ним псевдо-отношения прямо здесь и сейчас, а сначала дождётся моих объяснений. По крайней мере, по взгляду, которым он меня буквально сверлит, обещая все кары мира, ясно, что меня после обеда ждёт разговор не из приятных.

– Какая неожиданная встреча! – тихо говорит босс, устраиваясь за нашим столиком не спросив на то позволения. Оно ему просто не нужно – знает, что мы уж точно не погоним его прочь.

– Более чем, – киваю я, доев йогурт и потянувшись за яблоком. – Ещё пара таких «неожиданных» встреч, и я решу, что вы за мной следите, босс.

– Серьёзно? – притворно удивляется он. – Думаешь, что я выслеживаю тебя, чтобы снова напоить мохито?

Это запрещённый приём, и Казанский об этом знает. Но ему невдомёк, что сидящий рядом Тупикин, который наблюдает за нашей словесной перепалкой, словно судья на теннисном корте, вовсе не мой жених. Потому и интересоваться историей с мохито станет вряд ли. А вот мне желание Алексея поставить всех в известность относительно той самой ночи решительно не нравится.

– Думаю, что вам стоит найти себе другой объект для спаивания, – пожимаю плечами, вгрызаясь в красный бок сочного яблока.

– Знаешь, я предпочитаю сам решать, кого, когда и где мне искать, – с нотками угрозы в голосе отвечает Казанский, при этом улыбаясь так, что этой способности бы позавидовал даже Чеширский кот.

– Ну так и решайте, я-то тут причём?

Я выразительно смотрю на босса, он – не менее выразительно – на меня, что Паша интерпретирует по-своему, отставляя тарелку с недоеденным пюре и поднимаясь на ноги.

– Я, наверное, пойду, – нерешительно произносит он, а я мысленно ставлю галочку напротив пункта «научить Тупикина обращению с возможной будущей невестой». Ведь если он так будет дезертировать с поля боя, оставляя благоверную на растерзание таким субъектам как Казанский, вряд ли в принципе когда-нибудь женится.

– Я с тобой! – восклицаю, откладывая яблоко.

– Ты останешься, – это вступает в беседу Алексей.

– Время обеда подошло к концу.

– Тогда тем более у тебя новое задание, Вера.

– Какое?

– Посидеть со мной и подождать, пока я перекушу.

Паша всё же исчезает, причём так быстро, что я не сразу понимаю, как ему это удаётся. Вроде бы только что был здесь и вот его уже и след простыл, а мне ничего не остаётся, как остаться рядом с Казанским.

– Вы теперь всегда так будете делать?

– Как именно?

– Принуждать меня к чему-то.

– Раньше тебе это нравилось. Вспомни, как готова была делать всё, чего бы я ни захотел.

– Вы знаете, о чём я.

– Знаю. И нет. Я не хочу тебя ни к чему принуждать.

Он заказывает у подроспевшего официанта кофе, как будто мало его Казанскому было в офисе, и добавляет то, от чего я удивлённо округляю глаза:

– Я хочу, чтобы ты снова легла в мою постель по собственной воле.

Это признание настолько сбивает с толку, что уже готовый сорваться с губ ответ приходится поспешно скрыть за покашливанием. Потому что снова босс делает со мной то, от чего чувствую себя девчонкой пубертатного периода – заводит всего несколькими словами.

– Скажите, Алексей Николаевич, – мне всё же удаётся совладать с собой, и я смотрю на сидящего рядом Казанского с вежливым, как мне хочется надеяться, интересом, – вам же этого желается только по причине того, что я не одинока?

– Не только. Вернее, это меня подстёгивает, но я хотел бы тебя даже если бы у тебя не было так называемого жениха.

– Не так называемого, а весьма конкретного.

– Перестань. Мы оба знаем правду.

Не знаю, что там подразумевает под правдой Казанский, но собираюсь стоять на своей придумке до победного. Потому что сейчас добровольно отправляться в его постель я не желаю ни при каких обстоятельствах.

– Это ваше дело, что вы там знаете, – пожимаю плечами, отводя взгляд от лица Алексея.

– И всё же... Я прошу о немногом.

– О чём именно? Раздвинуть перед вами ноги потому, что вы мой босс и можете отдавать мне указания?

– Было бы неплохо, но нет, – ухмыляясь, отвечает Казанский. После чего во мгновение ока становится серьёзным, но следующие слова, которые произносит, больше похожи на шутку: – Дай мне несколько дней, не отказывайся от того, чтобы я за тобой поухаживал. И ты поймёшь, что ты для меня особенная.

Наверное, будь я не настолько здравомыслящей – что рядом с Алексеем регулярно ставится под сомнение – я бы тут же согласилась. Слышать такое от Казанского – это что-то запредельное по ощущениям, вот только я знаю, что правды в этом признании ровно столько же, сколько в моём скором обретении звучной фамилии Тупикина. Но наряду с желанием запрокинуть голову и расхохотаться, во мне просыпается ещё и чисто женское любопытство. Интересно, что именно Казанский собирается делать, чтобы у меня возникло ощущение вот этой исключительности? И сколько женщин до меня считали себя таковыми для Алексея? И где вообще сейчас эти «особенные женщины босса»?

– Ну я же сказала, что не одинока...

– Вера...

– Ну, что? – не удержавшись от улыбки, уточняю я. – Вы же не будете спорить с тем, что у меня есть все основания считать, что наши отношения в прошлом не задались.

– Не буду. Зато они прекрасно задались в настоящем. И я помню, что в ту ночь ты пошла в мою постель в точности зная, с кем ты туда идёшь. И делаю вывод, что я не так уж тебе неприятен.

Вздыхаю, потому что эту карту мне не побить. И не внушить Казанскому, который вбил себе в голову желание попробовать завоевать меня – хотя, я бы сказала «соблазнить», – что будет лучше, если всё останется так, как есть.

– Алексей Николаевич, у вас есть ровно три вечера на ваш выбор, на которые я составлю вам компанию. Но у меня несколько условий.

– Озвучивай.

– Если это будут какие-то мероприятия, на которые вы меня пригласите, то я хочу, чтобы они были приличными.

– Например, опера, театр?

– Например, да.

- Готовлю лучший свой фрак.

- Но подойдёт и кино, - не в силах оставаться серьёзной и дальше, улыбаюсь я.

- Понял. Кино и унылый фильм.

- Чтобы я уснула? Ну, нет. Приличное не равно унылое.

- И это понял. Ещё условия?

- Да. Никаких агрессивностей в мою сторону. Под ними понимаю попытку сделать то, чего я делать не пожелаю.

- Хорошо, мохито пить давать не буду. А то после него мне было не совсем ясно, кто в чью сторону агрессивности проявлял.

- Это единичный случай!

- Ясно, значит, Тупикину так не везло.

Он откровенно надо мной потешается, но делает это настолько беззлобно, не как во время прошлых наших пикировок, что я не могу ни злиться, ни испытывать желание отвечать тем же.

- Всё, что у нас происходит с Пашей, происходит только у нас с Пашей. И никому до этого дела быть не должно. Это моё третье условие. Вы не касаетесь этой темы. Вообще. Ни со мной, ни с ним, ни с другими.

- Может, хочешь оформить это в договор?

- Что именно? Мои условия?

- Ну, да.

Теперь в тоне Казанского звучат ещё и предупредительные нотки, что во мне вызывает только желание закончить весь этот цирк, начатый с лёгкой руки Алексея, встать и всё же вернуться на работу. Но почему-то я этого не делаю. Пожимаю плечами, достаю из сумочки ручку, беру салфетку со стола и быстро пишу убористым почерком всё, что только что озвучила и на что согласился Казанский.

– Подпишите, великий государь, – протягиваю ему салфетку. А он смотрит на меня то ли с весельем, то ли с насмешкой в тёмных глазах. И это непонимание, что именно испытывает Алексей, в который раз выбивает у меня почву из-под ног.

– Хорошо, – всё же сдаётся он, забирает ручку и быстро ставит на салфетке размашистую подпись. – Когда буду уходить с должности генерального директора, обязательно порекомендую тебя на это место. Твои умения запудрить мозг и вытребовать для себя любые условия будут на пользу компании. А теперь если ты закончила, пойдём.

Я кладу салфетку в сумку в противовес желанию скомкать её и выбросить в мусорное ведро. Счёт в нашей игре – десять-один в пользу Казанского, но у меня впереди ещё много шансов сравнять его. Впрочем, пока не знаю, так ли буду удовлетворена победой, как мне того хотелось бы.

Вернувшись домой в тот вечер, я занимаюсь тем, что начинаю вспоминать, какими были наши отношения с Казанским в той, другой жизни. Как будто мне нужен повод, чтобы отрезвиться, сбросить с глаз ту пелену, которая встала перед ними стоило Алексею проявить ко мне интерес. Под ноги попадается коробка с лежащими в ней дневниками. Никогда не верила в провидение, но когда в первом же выуженном блокноте обнаружила записи, касающиеся самого начала моей годичной эпопеи с диетами, засомневалась в том, что была права в своём неверии.

«... хочется плакать. Даже не плакать – рыдать, но я держусь. Верю, что когда-нибудь станет легче.

Сегодня я на моно-экспресс-диете. Каждый день – только один продукт. Вчера были яблоки, сегодня – только кефир. Сбросила полкилограмма за день, и подозреваю, что это были нервы. Наверное, я всё же не выдержу... как представлю завтрашний день на пустом рисе без соли, слёзы так и катятся...»

Дальше шла зачёркнутая приписка словно вывод из всего вышесказанного: «Ненавижу Казанс...»

Прочтение этой страницы дневника, словно разом отрезвляет меня настолько, что я кажусь мерзкой самой себе. Как вспомню, что добровольно пошла с ним трахаться после бара, а сейчас не отрезала любые его поползновения быстро и напроць – так во рту появляется какой-то противный горький привкус. Даже не пытаюсь себя убедить, что возможно Казанский изменился настолько, что действительно испытывает ко мне настоящий интерес, а не хочет снова затащить в постель, потому что ему понравилось там со мной кувыркаться. Вздохнув, всё же откладываю дневник, размышляя наедине с самой собой, что же буду делать дальше. По-хорошему, мне бы надо порвать этот договор-салфетку перед лицом Алексея, и сказать, что я пошутила относительно тех самых трёх встреч, но я прекрасно отдаю себе отчёт в том, что Казанский вряд ли от меня отстанет. Это просто не в его правилах. Значит, мне нужно испортить все эти три свидания, чтобы он уже понял, что в мою сторону ему лучше даже не дышать.

На следующий день меня ожидает ко всему ещё и разговор с Тупикиным. Паша встречает меня в приемной, хотя я прихожу туда задолго до начала рабочего дня.

– Ромашкина, ты знаешь, а я ведь всю ночь не спал, – признается он мне сходу даже не поздоровавшись.

– И тебе доброе утро, Паша, – тяжело вздохнув, я скидываю пальто и долго вешаю его в шкаф, как будто это может избавить меня от необходимости объясняться с Тупикиным. – Если ты по поводу вчерашнего, то мне очень жаль. Просто ты был первым, кто пришел в мою голову, когда я отвечала на вопрос Казанского относительно моего жениха.

– Нет-нет. – Паша подходит ближе ко мне, поправляя очки на носу. Выглядит так, будто как минимум хочет сделать мне предложение руки и сердца нет отходя от моего рабочего стола.

– Паш... – выдыхаю я, ожидая самого худшего.

Но худшее, слава богу, не случается. Кивнув, как будто моего выдоха хватает на то, чтобы понять всё, Паша произносит тихое:

– Значит, я все же ошибся. Но если я тебе хоть немного нравлюсь...

– Паша-а-а, – не выдерживаю я, проходя мимо Тупикина и занимая свое место за столом. Роняю голову на сложенные на столе руки, начиная внутренние нервно посмеиваться. Нет, наверное, они с Казанским сговорились свести меня с ума, иначе объяснить себе тот факт, что вокруг меня начинают виться сразу несколько мужчин, я не могу.

– И всё же... ты ведь не просто так первой назвала именно мою фамилию, – настаивает Тупикин на том, в чём у нас с ним кристальная ясность и без лишних выяснений.

– Нет, Паша, как бы тебе ни хотелось думать обратного, я назвала твою фамилию только потому, что она действительно пришла мне в голову первой. Но с таким же успехом это могла быть фамилия Орлов, Малышкин, или даже Бирюков.

– Но Бирюкову шестьдесят один! – пытается протестовать Тупикин.

– И это лишний повод возрадоваться тому, что роль жениха будешь играть именно ты, а не он. А теперь извини, пожалуйста, я бы хотела начать свой рабочий день не с ссор и выяснения отношений, тем более с тобой, а с чашки кофе в одиночестве.

Тупикин удаляется, и я только теперь понимаю, что мне стыдно перед Пашей. Наверное, мне стоило сразу же извиниться, но этот его утренний визит удивил меня настолько, что хотелось только одного – встать в защитную позу.

Ближе к девяти в офисе появляется босс, который тащит в руках внушительный горшок с орхидей. Это настолько непохоже на прошлого Казанского, что я едва удерживаюсь от вопроса, кому полагается эта прекрасная икебана. Он без слов ставит её на мой стол, подмигивает и удаляется в свой кабинет, откуда практически сразу просит принести ему кофе. А это значит то же самое, что и в остальные утра – мне придётся войти к нему и остаться наедине с Алексеем на несколько минут.

– Доброе утро, босс, – как можно спокойнее произношу я через время, когда приношу Казанскому чашку кофе на подносе.

И почти успеваю ретироваться к двери, когда он останавливает меня короткими и ёмким:

– Останься.

Мысленно чертыхаюсь, повернувшись к Алексею, лишь только крепче сжимаю в пальцах поднос. Не знаю, что он задумал, но у меня сегодня нет никакого настроения играть в его игры.

– По дороге на работу я заехал и купил два билета в кино на сегодня, – говорит босс, доставая из внутреннего кармана пиджака два белых прямоугольника. Кладёт их на стол, пожимая плечами, как будто то, о чем он говорит, ничего ровным счётом для него не значит. Но я знаю, что такое проявление интереса и даже в некоторой степени заботы в мою сторону Алексею совсем не свойственно.

– О! Какая-то фантастика, – старательно скрывая усмешку в голосе, читаю я на билетах название фильмов.

– Ты не любишь фантастику? – Голос Казанского звучит встревоженно, хотя возможно, эта эмоция – всего лишь плод моего воображения.

– Возможно, вы удивитесь, но я обожаю фантастику. Просто оценила чисто мужской выбор.

– Это хорошо, а то я уже мысленно прикинул, что мне придётся отложить совещание на полчаса и сгонять за новыми билетами, – с искренним облегчением отвечает Алексей.

– А вы решили брать быка за рога, – растягиваю я губы в не слишком-то весёлой улыбке.

Не совсем понимаю, что чувствую в данный момент. Принятое вчера решение, сейчас, когда я нахожусь наедине с Казанским, уже не кажется мне настолько правильным, как-то было вечером.

– А к чему медлить? – снова пожимает плечами Алексей. – Мало ли, что может случиться. Например, сердечный приступ от твоей красоты.

– Не перегибайте, вам не идёт, – качаю я головой и все же разворачиваюсь, чтобы выйти из кабинета. – И да, я буду готова в шесть, вы же заедете за мной? – все же уточняю, стоя на пороге перед тем как выйти.

– Разумеется. Я буду у тебя без пяти шесть, – отвечает Казанский, и я, коротко кивнув, возвращаюсь в приемную.

Фильм больше похож на неплохую мелодраму в космическом антураже, чем на те фантастические ленты, которые я привыкла смотреть. Сидя в тёмном кинозале и уплетая попкорн, не могу избавиться от мысли, что Казанскому просто не может нравиться настолько сопливый сюжет. И это вызывает у меня удовлетворение – пусть первое свидание станет для него испытанием, как мне того и хотелось. Но он молчит, смотрит на экран с интересом или же делает вид.

– Спорим, они в итоге никуда не долетят, – шепчет он, наклонившись к моему уху, от чего по телу пробегают толпы мурашек. И, кажется, Алексей прекрасно понимает, как именно я реагирую на его близость.

– Спорим... долетят, – выдыхаю я, когда на мочке смыкаются горячие влажные губы Казанского. Внизу живота – туго сжатая пружина. И приятное тепло, от которого по венам разливается чистейшее возбуждение. Невозможно противиться ни ему, ни своему желанию, потому приходится делать вид, что мне

наплевать на то, что делает мой босс.

– Если поспоришь, с тебя поцелуй, – прикусив мочку, отстраняется Казанский, вновь откидываясь на спинку кресла.

А мне мало того, что он со мной делает, но я всё же мысленно напоминаю себе о своих целях устроить всё так, чтобы Алексей перестал меня хотеть.

– Кажется, мы договорились, что будем заниматься на свиданиях исключительно приличными вещами, – неуверенно говорю я, не поворачиваясь к Казанскому.

– А мы разве занимались чем-то неприличным? – уточняет Алексей, вновь наклонившись к моему уху, чтобы я могла услышать его голос сквозь шум, доносящийся с экрана. И хоть и я, и он, стараемся говорить как можно тише, мне кажется, что о желании, рождённом внутри моим боссом, знает не только он сам, но и все люди в зале.

– Черт, – ругнувшись, я поворачиваюсь к Алексею и киваю на экран: – Они все же не долетели. И как у тебя получается из любой ситуации выходить победителем?

Это риторический вопрос, и улыбка Казанского, такая наглая и самоуверенная – лишнее подтверждение тому, что он прекрасно отдаёт себе отчёт в том, что именно я испытываю в его сторону.

– Я просто делаю то, что должен. Или чего хочу. В этом и есть секрет моего успеха.

Он поднимается из кресла, протягивает мне руку, и я почему-то без сомнения вкладываю в неё свою ладонь.

– Куда мы отправляемся теперь? – спрашиваю у босса, когда он ведёт меня прочь из кинозала.

– Ты хочешь отправиться куда-то ещё? – обернувшись ко мне, уточняет Алексей. – Я думал, что по плану у нас сегодня только кино.

– Ну откуда я знаю, что там у тебя в планах? Это же ты у нас делаешь только то, что хочешь, а не я, – парирую, немного покоробленная его словами. – Но в целом, если у тебя больше нет никаких задумок, я бы предпочла, чтобы ты отвёз меня домой.

Мы как раз выходим из кинозала, и толпа, в которой пребывали все это время, наконец редет. Казанский смотрит на меня изучающе, а мне становится неуютно под его взглядом. Будто бы он понимает гораздо больше, чем ему следовало бы понимать.

– Тогда я отвезу тебя домой. Не хочу наскучить тебе раньше, чем ты поймёшь, что у нас всё уж точно не ограничится тремя свиданиями.

– Я так и знала, что ты рассчитываешь именно на это, – с улыбкой в голосе произношу я. – Посмотрим, – пожимаю плечами, крепче вцепляясь в ремешок сумки, как будто это действие может удержать меня от какого-то необдуманного поступка.

– Значит, едем домой, предпочту чтобы твое «посмотрим» вскоре превратилось в уверенность, что тебе мало этих трёх встреч со мной.

Мне ничего не остается, как продолжать следовать за Казанским, когда он вновь берёт меня за руку и выводит из кинотеатра. До чего самоуверенный нахал! Но мне, кажется, и вправду начинает это нравиться. Весь путь до моего дома мы проводим в молчании, лишь только когда оказываемся возле подъезда, до которого меня провожает Алексей, я охаю от неожиданности, когда он притягивает меня к себе, и властно жёстко целует. Поцелуй скорее грубый и быстрый, чем медленный и нежный. Казанский словно получает свой приз за проигранный мною спор, но делает это настолько внезапно, что я сильно ошарашена. После чего разворачивается и уходит обратно к машине, оставляя меня стоять и смотреть ему вслед, и в очередной раз сгорать от самых противоречивых эмоций.

Я разбираю бумаги в приемной, на деле же думаю только о том, когда в офис придёт чертов Казанский. И жутко волнуюсь, а всему виной – невысокая женщина с самой незапоминающейся внешностью из всех возможных, которая терпеливо сидит на одном из стульев вот уже второй час. От кофе она

отказывается, на все мои вопросы относительно того, чем я могу помочь, отвечает размытыми фразами, из которых я понимаю, что если кто ей и может помочь, то это Алексей Николаевич.

Какое-то смутное подозрение не дает мне покоя, но я пока не могу понять, в чем именно оно заключается. Сам Казанский появляется в офисе ближе к одиннадцати утра, входит в приемную, и тут же его улыбка, которая обращена ко мне, меркнет, когда он находит взглядом свою посетительницу. А внутри меня подозрения крепнут с новой силой. Не поприветствовав ни меня, ни женщину, он подходит к кабинету открывает дверь, и едва ли не рычит короткое:

– Входи.

От его голоса даже мне становится не по себе, однако посетительница поднимается со стула, подходит к кабинету, и они оба скрываются за дверью.

Я никогда не замечала за собой склонности подслушивать, однако сейчас понимаю, что сижу и чутко прислушиваюсь к каждому звуку или слову, которые могут донестись до меня из-за двери в кабинет босса. Но либо они говорят слишком тихо, либо увлечены чем-то другим, и я не слышу ровным счётом ничего.

По истечении часа, по прошествии которого я успеваю известись, все же стучу в кабинет Алексея, и дождавшись раздраженного: «Что надо?» заглядываю внутрь, выдыхая. Казанский сидит за своим столом, что-то вычитывая в пухлой папке, лежащей прямо перед ним. Неприметная женщина – устроилась напротив него, сложив руки на коленях и внимательно наблюдая за Алексеем.

– Сделать вам кофе? – спрашиваю у них, на что получаю такой взгляд Казанского, от которого мне тут же хочется провалиться сквозь землю.

– Если бы я хотел кофе, я бы сам тебя позвал. Выйди, пожалуйста, и постарайся больше меня не отвлекать, пока я сам не попрошу обратного.

Он цедит эти слова, а я вижу, что Казанский сдерживается из последних сил. Вот только не могу понять, одного – что повлекло за собой такую реакцию? Он словно снова превратился в того злого босса, который раз за разом обижал меня

в прошлом. И он наверняка понимает, чем именно это может обернуться между нами. Если уж я интересую его как женщина, Алексею Николаевичу следует запомнить одну немаловажную деталь: подобным образом вести себя со мной я ему больше не позволю.

Я просто прикрываю дверь за собой, возвращаюсь в приемную, из которой почти сразу же выхожу, решив уйти на обед пораньше, чтобы только больше не сидеть каменным изваянием за рабочим столом и не прислушиваться к тому, что происходит за дверями в боссов кабинет.

Казанский появляется в кафе довольно скоро – не проходит и полчаса с момента, когда я усаживаюсь за столик, который обычно занимаю за обедом. Без спроса устраивается рядом и бросает короткое:

– Прости за офис.

Он всё ещё на взводе, мне совсем не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы это заметить. Но извинился – что совсем на него не похоже, а это значит – он может быть не совсем уж полной задницей, когда захочет.

– Это можно счесть за просьбу начать тебя отвлекать? – не удерживаюсь я от вопроса. – Если да, то сейчас соберусь с мыслями и буду выполнять всё, что ни пожелаете, Алексей Николаевич.

– Вера...

– Что?

– Я же извинился.

– Предварительно доведя меня до сарказма. Больше так не делай, пожалуйста. Или срывайся на тех, кто тебя бесит, или вообще не срывайся.

Сложив руки на груди, я отворачиваюсь, чтобы только не смотреть на Казанского. На лице его разливается не только злость, но ещё и усталость, и мне может быть, было бы даже стыдно, если бы я имела хоть малейшее

представление о том, почему он вдруг стал таким в офисе.

- Это адвокат моей бывшей, - наконец признаётся Алексей, сжимая переносицу пальцами. - Пришла сообщить мне, что мы снова встречаемся в суде.

- По какому вопросу?

- По такому вопросу, что эта сука нашла способ тянуть из меня деньги.

- Адвокат?

- Да какой адвокат! Невеста моя... несостоявшаяся.

Прекрасно. У Казанского была невеста, о которой я не знала и - как понимаю сейчас - знать не хотела бы. Потому что, чёрт побери, ревную. Вот так вот неправильно и уродливо, но ревную. Алексей постукивает пальцами по столу, смотрит на меня безотрывно, а я набираюсь смелости и не отвожу взгляда. И не совсем понимаю, что именно чувствую. Точнее, эмоций настолько много, что понять, какая из них главенствующая, невозможно.

- Почему она подала на тебя в суд? - все же интересуюсь я, решив, что если у нас с Казанским и могут завязаться отношения, то только после того, как между нами не будет никаких договорённостей. Потому что я очень не люблю сюрпризы подобного толка, и мне совсем не хочется сталкиваться с реальностью, окружающей Алексея, в которой будут бывшие в употреблении невесты, судебная практика и бог весть что ещё.

Казанский молчит довольно продолжительное время, как будто ему нужно взять паузу, чтобы решить, имею ли я право знать все о его жизни или хотя бы об этой неприглядной её части.

- Пока это всего лишь угроза, - наконец произносит он, тяжело вздыхая. - По крайней мере, я ещё ни разу до суда не доводил, и поверь, мне совсем не хочется проверять, дойдёт ли до него в принципе, если я откажусь выполнять условия Кристины.

- Адвокат привезла тебе какие-то документы, что в них?

– То же, что и обычно. Они там строчат какие-то доносы, приплетают левых свидетелей, в общем и целом, ничего нового.

– А в чем она тебя обвиняет?

– В нанесении побоев.

Эта информация настолько сбивающая с толку, что я едва сдерживаю нервный смехок, который был бы совсем не к месту. Но скрыть удивление, которое отражается на моем лице, мне не удастся. Нет, Казанский не пай-мальчик, которого совершенно невозможно в подобном подозревать. Однако мне совсем не верится в то, что он способен ударить женщину. Он может быть грубым, злым, он может рывкнуть, но чтобы применить физическую силу к слабому полу – очень и очень сомневаюсь.

– Только не говори мне, что ты представила, как я избиваю Кристину, – с каким-то разочарованием в голосе произносит Казанский.

– Я не могла бы этого сделать даже при очень большом желании. Во-первых, я совершенно не представляю как выглядит эта твоя Кристина. Во-вторых, ты прав, нафантазировать, как ты поднимаешь руку на женщину – весьма проблематично, даже несмотря на то, что на воображение я никогда не жаловалась.

– Я был пьян, ни черта не помню. Мы с ней регулярно ругались, она требовала все больше и больше, а я не готов был давать ей слишком много. Тем более, что у Кристины в основном были потребности в материальных ценностях.

– Интересно, как у этой распрекрасной женщины вообще появился статус твоей невесты? – хмыкаю я, но тут же добавляю: – Впрочем, не отвечай, это был скорее риторический вопрос.

– И все же отвечу, с твоего позволения, – веско произносит Алексей. – Если тебя это успокоит, то я и сам довольно быстро понял, что Кристина – это не то, что я хочу видеть рядом с собой до конца своих дней. Наверное, это и сыграло со мной злую шутку. Кристина поняла мой настрой, а терять «дойного козла», она не собиралась.

От этих слов я не сдерживаюсь, запрокидываю голову и начинаю совершенно искренне и чуть нервно хохотать. Определение «дойный козёл» настолько не подходит, но и одновременно кажется подходящим для Казанского, что это может вызывать у меня только желание смеяться, ничего кроме.

– А вот мне совсем не до смеха, – мрачно говорит босс, но я вижу, что губы у него дрожат от сдерживаемой улыбки. – В общем, я не помню, как все произошло. Помню лишь, что вечером накануне того, в чем обвиняет меня Кристина, мы поругались так, как я не ругался ни с кем и никогда.

– Даже хуже, чем то было, когда я согнала тебя со своего рабочего стола, а ты прилюдно унизил меня перед сотрудниками? – вскидываю бровь, уточняя.

Не то чтобы мне хочется напоминать Казанскому о том, каким козлом он может быть, но и промолчать все же не удаётся.

– Поверь мне, Вера, то, как мы с Кристиной поругались в тот вечер, тебе даже не снилось.

Он взял паузу, словно бы сейчас был мыслями совсем не здесь, а в том вечере, о котором рассказывал мне. А я гадала, что же такого могло произойти, если сейчас Казанский столкнулся с настолько отвратительными проблемами.

– В общем, я ушел из дома...

– Только не говори, что вы ещё умудрились жить вместе, – не сдержав удивления, перебиваю я Алексея, на что он лишь пожимает плечами, и я снова испытываю какую-то чудовищную, необъяснимую и неправильную ревность.

– Так вот, вернулся я обратно почти на рассвете, набравшись в баре так, что не помнил даже собственного имени. А наутро оказалось, что Кристина успела побывать в травмпункте, и у неё на руках есть медицинские документы о нанесённых телесных повреждениях.

– Она что, действительно выглядела так, будто ты её избил?

– В том и дело, что нет. Сидела перед телевизором, приложив к щеке пакет со льдом, но никаких синяков или кровоподтёков я не видел.

– Понятно, – протянула я, пытаюсь сопоставить все факты воедино. – И что в итоге?

– А в итоге она поставила мне ультиматум. Она не будет давать этому делу судебный ход, если я буду продолжать содержать её и дальше.

– То есть, ей вовсе не важно было чтобы ты продолжал и дальше быть её женихом?

– Нисколько. Я же говорил, этой суке нужны мои деньги, и ради того, чтобы получать от меня щедрые отступные каждый месяц, она готова пойти на всё.

– Что случилось сейчас? Почему у тебя снова нарисовался на пороге её адвокат?

– Потому что мне это осточертело! – Казанский, во мгновение ока превратившись в того самого злого босса, воспоминания о котором ещё очень свежи, сжимает челюсти с такой силой, что на щеках играют желваки. А я искренне рада, что эта злость направлена совсем не в мою сторону. – Я не собираюсь и дальше позволять ей делать из меня того самого «дойного козла».

– А у тебя есть выбор? – вскидываю я бровь, не понимая, чего именно хочет добиться Казанский.

– Выбор есть всегда, Вера. Другое дело, что любой вариант в этом случае – не совсем то, чего бы я желал, что бы я ни выбрал.

– И чем в итоге завершилось всё сейчас?

– Тем же, что и обычно. Но я предупредил Кристину через адвоката, что это была последняя подачка, которую я готов ей бросить.

– Понятно, значит мне предлагаешь встречаться с человеком, который не сегодня-завтра угодит в тюрьму, – желая немного разбавить напряжение юмором, произношу я с улыбкой на губах. И тут же понимаю, что это был

опрометчивый шаг. Дурацкая шутка вновь делает из Казанского человека, который готов взорваться в следующую же секунду. Мне даже не нужно дожидаться его реакции на мои слова, чтобы понять, что сейчас рванёт. Впрочем, он умудряется взять себя в руки, и цедит со злостью, которой пропитано каждое его слово:

– Вера, заруби себе на носу, если ты не хочешь попасть под мою горячую руку, не смей шутить со мной подобным образом. А сейчас извини, я лучше пойду, пока не натворил каких-нибудь дел.

Только огромным усилием воли я сдерживаюсь от того, чтобы присовокупить к уже сказанному ещё какую-нибудь идиотскую фразу, провожая Казанского взглядом. В голове моей снова – настоящий ураган самых разнообразных эмоций. И вновь и вновь я погружаюсь в ту ситуацию, где есть только я и Алексей. И те самые проблемы, с которыми столкнулся он, и которые почему-то начинают казаться мне и моими тоже. После чего возвращаюсь в офис, где Алексея нет. В приемной сидят посетители, и мне приходится извиниться и сообщить им, что босс отбыл по срочным делам, и назначить им встречи на завтра. Так заканчивается этот странный день, который не приносит мне ничего, кроме новых нерешенных вопросов.

На следующее утро я понимаю, что Казанский не желает со мной разговаривать ни о чем, кроме дел. И это даже хорошо – даёт мне возможность немного отдохнуть и поразмышлять на досуге о том, как же быстро моё желание испортить отношения с боссом сменилось какой-то чудовищной потребностью видеть его каждый день, общаться с ним и понимать, что он все так же мной очарован. Хотя, я сильно сомневаюсь до сих пор, что за этими словами стоит действительно что-то реальное.

Мы почти не пересекаемся с ним во время работы, он проводит совещание, которое длится несколько часов кряду, молчаливо подписывает документы, которые я кладу ему на стол. Несколько раз за день просит кофе, а вечером, коротко попрощавшись, уезжает домой, не сказав мне больше ни слова.

Я же решаю провести этот вечер с пользой: звоню отцу, чтобы договориться с ним о переезде в новую квартиру. Однако меня ожидает сюрприз и здесь – отец извиняется и просит перенести наши с ним дела на завтрашний день. И в голосе

его сквозит что-то настолько таинственное и необычное, что я начинаю подозревать, что ему все же удалось найти общий язык с какой-нибудь женщиной.

Домой я приезжаю, по дороге зайдя в гипермаркет и набрав разных фруктов, и решаю устроить себе небольшие девчачьи посиделки, где единственным действующим лицом буду я. Вновь устроившись на подоконнике, открываю дневник и начинаю изливать в него свои мысли.

«Уже не знаю, что именно испытываю из всего того бесконечного потока эмоций и чувств, которые охватывают меня каждый раз, когда я вижу перед собой Казанского. Только с ним все меняется настолько быстро, что всё пережитое больше похоже на мельтешащий перед глазами калейдоскоп, чем на то, в чем я могу разобраться сама без лишней помощи. Этот мужчина поистине был создан для того, чтобы сводить с ума меня, и как я теперь подозреваю, ещё множество женщин, которые были у него до этого момента, и которые будут после».

Написав это, я прикусываю нижнюю губу, понимая, что даже простые, выведенные на страницах дневника строки, причиняют мне какие-то жутковатые ощущения. А всему виной понимание, что я полностью права в этих эмоциях. Ведь после меня у Казанского обязательно будет кто-то, с кем он вот так же будет проводить время, кому будет рассказывать о том, насколько поражен и восхищен, и пытаться добиться этого «кого-то» чего бы ему это ни стоило.

А ещё я размышляю о том, что связывало нас с Казанским год назад, когда он только прибыл в наш офис. Нелепая ситуация, когда я приняла его за другого, и попыталась поставить на место прилюдно, обернулось тем, что Алексей начал воспринимать меня не иначе, как личного врага.

Я никогда не понимала женщин, которым было в удовольствие стать жертвой так называемого стокгольмского синдрома, но когда на третий день нашего «милого» общения с Казанским осознала, что он вызывает у меня эмоции отличные от злости или обиды, вернее, не только их, моё удивление собственным чувствам, которые я стала испытывать по отношению к Казанскому, было столь огромным, что я впала в ступор. Впрочем, чем дольше

мы с ним общались, тем больше я понимала, что влюбилась в этого невыносимого типа так сильно, что каждое его действие и каждое слово, направленные в мою сторону, причиняют мне невыносимую боль.

Он никогда не переходил границы, когда донимал меня, однако чем явственнее мне становилось, что я никогда не заинтересую его как женщина, тем больше горечи накапливалось у меня в душе.

И когда он всё-таки уехал, я поняла что испытываю не только облегчение, но ещё и острую боль, от понимания, что никогда его больше не увижу. Если бы я знала тогда, как сильно ошибаюсь.

Неожиданный звонок в дверь заставляет меня вздрогнуть, нахмурившись посмотреть на часы, но, обнаружив, что стрелки показывают всего девять вечера, все же пойти открывать непрошеному визитёру. Когда смотрю в глазок, с губ моих помимо воли срывается удивлённый возглас: за дверью стоит Казанский собственной персоной.

Первое желание, которое у меня возникает этот момент – не открывать даже под дулом пистолета. Впрочем, оно быстро сменяется другим – увидеть его в своей квартире и понять, что нас связывает не только работа и проведённая вместе ночь, а нечто гораздо большее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rey_polina/pampushka-dlya-zlogo-bossa

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)